

Эльдар Ахадов
Добрые люди

Эльдар Алихасович Ахадов

Добрые люди

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30083526

ISBN 9785449051950

Аннотация

Особенностью новой книги Эльдара Ахадова является то, что не только документальные и литературоведческие работы, представленные в ней, но и все художественные произведения основываются на реальных событиях и судьбах. Книга посвящается добрым людям, добрым делам и благородным поступкам.

Содержание

От автора	5
Люди добрые	6
Облако воспоминаний	10
Лапшин	11
Фуражка	18
Война кончилась	21
Муся	24
Мамина долма	26
Доброе сердце	29
Северяне	30
Дорога	33
Борщов	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Добрые люди

Эльдар Алихасович Ахадов

© Эльдар Алихасович Ахадов, 2018

ISBN 978-5-4490-5195-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эльдар Ахадов

От автора

Эта книга – мой поклон добрым людям и напоминание: о добром забывать нельзя.

Где бы я ни находился, где бы ни жил, повсюду мне чаще всего встречались добрые отзывчивые люди. Добрыми людьми я считаю своих близких и своих предков. Я вырос среди добрых людей. Добрых и открытых людей помню я и в Баку, где родился, и на пензенской земле, где провёл большую часть детства... Добрые люди поддерживали меня в Ленинграде, когда я учился... В Северной Осетии, в Белоруссии, на Большом и Малом Кавказских хребтах, в Саянах, в Эвенкии, в Тыве, на Урале, в Москве, на Байкале, на Енисейском Кряже – всюду, где я работал, рядом были добрые люди. Их всегда было гораздо больше остальных. Для доброты национальность не имеет значения. И у якутов, и у ненцев, и у эвенков, и у татар, и у селькупов, и у китайцев, и у аргентинцев – во всех народах есть добрые люди... И всюду их – большинство. Нет в этом никакой зависимости ни от профессии, ни от вероисповедания, ни от возраста, ни от чего либо ещё. Доброта – вне времён и пространств. Как любовь.

Люди добрые

Во всякой земле у человека свой особый склад характера получается. Учёные давно говорят, что та местность, те природные условия, в которых находятся люди, непременно оставляют неизгладимый отпечаток на их поведении, на речи и на привычках.

Разные люди живут в Сибири. По-разному они себя ведут... Но когда-то произошли в моей жизни два случая, которые, наверное, могли случиться только здесь. Время от времени в суете своей и ожесточенности людского бытия вспоминая о тех случаях, я и сам себя переспрашиваю: «Да было ли это? Можно ли даже представить себе такое в нынешнюю-то пору?» А ведь было.

Однажды ехал я в летнем пыльном переполненном автобусе из Саяногорска в Черёмушки. Есть такой посёлок городского типа, построенный для семей строителей Саяно-Шушенской ГЭС.

Духота в автобусе стояла невероятная. Ехал я в командировку, в первый раз в те места. Руки у меня были заняты поклажей. Стоять приходилось на ногах всю дорогу, ощущая, как со всех сторон потная людская огнедышащая масса сплющивает тело. В общем, натуральные «шпроты в банке», даже ещё хуже, потому что вряд ли кто-то станет так трясти и швырять из стороны в сторону консервы, как это

делают с людьми в старом рейсовом автобусе. И, хотя природа за окном поражала великолепием: мощные горные обрывы из прекрасного белого мрамора, тихая изумрудная река и бесконечные, поросшие пышным лесом горы с обеих сторон, — настроение и состояние моё было очень и очень неважным.

Наконец, мучения завершились. Двери автобуса после некоторого усилия разжались. Народ мгновенно хлынул наружу. И в этот момент ко мне подошла женщина и вдруг спросила: «Вы окрошку хотите?». Я до того вымотался, что не удивился и не стал ни о чем спрашивать, а ответил утвердительно и пошел за ней. Женщина привела меня в свою квартиру, тоже ни о чем не спрашивая. Там я прошел на кухню, сел за стол. Она налила мне тарелку окрошки. Тут же пришли с улицы её муж и дочка среднего школьного возраста. Они тоже сели возле меня и стали есть окрошку.

Поев, я встал, поблагодарил за угощение и ушел. Больше мы никогда не виделись. Вроде бы ничего особенного, если не учитывать того, что я совершенно не знал и не знаю ничего об этой женщине, а она видела меня в первый и последний раз. И ей, действительно, просто захотелось угостить меня окрошкой. И мы оба не догадались даже про имена друг у друга поинтересоваться. И ничего более не было, понимаете?

То есть, на самом деле произошёл нормальный случай, когда человек просто так сделал добро для другого человека!

И никакой корысти в этом не было никому. Просто душа захотела добра...

Второй эпизод случился в деревне под названием Орье на берегах реки Кан, в верхнем её течении. Дорога до деревни тогда уже была. Плохонькая. Проселочная. Вдоль дикого берега, через тайгу. Но была. Приехал я на вездеходе гусеничном с товарищами по экспедиционным делам, лесника искали.

А время – сенокосное. Солнце палит нещадно. Полдень. Народ весь – от мала до велика – на покосах. Ходили мы, ходили по деревне – от двора к двору. И ничего понять не можем. Кругом – ни души. А все калитки во дворы и двери в избы... не закрыты. Заходи – живи, делай что хочешь. Пошли в магазин: пить захотелось, жарко. И в магазине всё открыто, а никогошеньки нет! Что за чудо такое? На полках – съестное, спиртное, всё что угодно, а людей нет. Мы, конечно, не взяли ничего, раз тут такое доверие. Вышли из магазина и из колонки ведро воды набрали, утолили жажду... Оказывается, в этой деревне никому в голову не приходило никогда запираяться! Не боялись люди людей. Знали, что никто чужого не возьмёт. Никто!

Вот, собственно, и всё. Как только назвать мне такое? Наверное, просто: открытое сердце.

Живут эти люди с открытым миру сердцем. И в силу сердец верят безоглядно. И зла ни на кого не таят и не ждут ни от кого никакой пакости.

Низкий вам поклон, ЛЮДИ ДОБРЫЕ...

Облако воспоминаний

Облако воспоминаний приходит ночью, возникает из безмолвного небытия, прячется мелкой росой в траве забвения, окутывает сердца метелью снов, змеиной позёмкой скользит по артериям и венам, бередя сонную душу запахом тлеющего времени, подступая к горлу комом несбывшихся судорожных ожиданий.

Возникают из былого и безмолвно рушатся вдали древние горы, напоминая бушующие волны беспокойного океана. Блуждающие огни незримых городов проносятся сквозь изумлённое тело. И давнее горластое счастье снова зовёт тебя в еле слышное детство...

И нет тебя здесь. Ты – там, пока не покинуло твой дом облако воспоминаний, оставив лишь несколько дождливых росчерков на предутреннем оконном стекле.

Лапшин

Этой ночью снился мне странный сон... Огромные-преогромные врата посреди неба. Резные, вроде как из наиценнейших пород деревьев: и черного, и красного, и коричневого, и белого, и желтого – всех цветов и оттенков, какие только бывают. Резьба искусная, тонкая, всё до самых мелких деталей разглядеть можно: тут и виноградные лозы с гроздьями, и львы рычащие, и медведи, и зайчики, и птички поют, и леса широкие, и реки текучие, и горы высокие, дальние, серебристые... Стал я вглядываться: а оно всё живое и есть! Шевелится, дышит, ветрами шумит...

А перед вратами теми облака белоснежные клубятся, и выглядывают из них отовсюду, как из кустов, малыши-ангелочки. Видно, что много-много их там. Выглянут и снова прячутся.

– Да, что ж это делается, куда вы поразлетелись, поразбежались-то опять, а?! Ну-ка, быстро сюда! Эй, малышня! Хватит копошиться, в кошки-мышки играть, а то я сейчас уже рассержусь!

Громохвая зычным голосом, прохаживается вдоль врат надушенный здоровенный дядька с широкой стриженной бородой и зорко посматривает на ребятню. Раз! Ухватил одного, который зазевался, приоткрыл врата и подбросил его легонько туда. И полетел малыш, ревя и посверкивая крылышками,

полетел на землю, в новую свою жизнь...

Чей же это голос был? Знакомый же, а вот спросонья не разберу никак.

– Ах, вы курвы такие! И как это вам на ум такое взбрело! Уволю! Завтра же заявление на стол и вон из роддома в... дальнюю даль! Кольца, серьги нацепили, косметики килограмм на рожи свои бесстыжие! Это ж родильное отделение, а не бордель! Совсем ума нет!!! Какие вы медработницы?! Бабёе натуральное! В родильном отделении всё должно быть стерильно! ... Вам же русским языком сказано было!

Разъярённый главврач Лапшин выпроваживает из родильного двух дамочек в халатах. Обе в слезах. Новенькие. А ведь действительно говорил он им обо всём при приеме, предупреждал, но дамы видимо решили, что указания местного начальства можно корректировать по своему усмотрению. Ошибочка вышла. У Лапшина с этим строго. Не порезвишься.

Вот он большой, как самовар, стоит со стаканом горячего чая перед окном в своем кабинете и смачно ругается уже по другому поводу. Лапшин – в матерщине мастер уникальный. Как закатит «соловьиную руладу» – залюбуешься разнообразием могучего русского языка. Сколько же в нём нюансов и коленцев неведомых кроется!

Мат я как бы пропускаю, но в остальном смысл произно-

симого примерно таков:

– Вот же какие девчонки нехорошие, нехорошие, совсем очень нехорошие! Это ж надо! Я их только что в туалете поймал курящими, нехорошие они такие, и выпроводил на нехорошо! Их, нехороших, сюда на сохранение привезли, обеим семнадцати нет, вместо мозгов одно нехорошее, а они, глянь, курят, стоят за уличными дверями! Нехорошо! Нехорошо, нехорошо! Попростужаются же, нехорошие такие девочки!

Какие из них будущие матери? Как они детей растить будут? У обеих на локтях синё, поистыкано уже с такого возраста, да и по глазам нехорошим видно, чем занимались.

Вот эта, нехорошая такая, отказную хочет написать на младенчика своего. Ещё не родила, а уже отказывается, ах, какая же она нехорошая матушка!

Девушки в махровых халатах с большими выпирающими животами тем временем накурились, намерзлись на осеннем ветру у порога роддома и, разговаривая друг с другом, вальяжно зашли обратно. Им-то не слышно...

В роддоме номер четыре обычного сибирского города, в котором служил врачебную службу главврач Лапшин, пусть было также бедно, как и везде у бюджетников, но, по крайней мере, чисто и ответственно по отношению к роженицам и малышам.

Здесь невозможны были ситуации, чтобы женщину

в предродовой оставили одну, чтобы кому-то сделали кесарево сечение и забыли убрать послед, чтобы шов на матке нечаянно подшили к тканям мочевого пузыря, чтобы кого-то случайно заразили лишаем или чем-то ещё, чтобы родившую вывезли в коридор и оставили там на полдня зимой под открытым окном, чтобы кормящим матерям давали гороховый суп или салат с огурцами, чтобы посетители проходили прямо в палаты в верхней одежде и грязной уличной обуви...

Вроде бы так и должно быть, но если честно, без вранья: всегда ли и везде ли у нас по жизни есть то, что должно быть?

Да, Лапшин ругался, да, устраивал жуткие разносы персоналу, если находил за что. Да, в райздраве он вырывал «свое» для роддома, за каждую бюджетную строку боролся до последнего, и потому всегда был «неудобным» для любого начальства. Начальство его, естественно, не любило, но, хотя придраться, чтобы уволить, у нас можно и к забору, Лапшина не увольняли, потому что охочих на его место почему-то всякий раз не находилось. А ещё потому, наверное, что у роддома Лапшина были самые низкие показатели детской смертности и заболеваемости во всем регионе.

Лапшин любил порядок на своём «корабле». Однажды, по какой-то сантехнической причине поздно вечером сломался душ. Ну, как в роддоме без душа? И работники районного ЖКХ, попытавшиеся сопротивляться отговорками про то, что «давайте, утром разберемся», познали на своей шкуре смысл выражения «вальпургиева ночь». Слово за сло-

во и – Лапшин учинил им драку. В самом прямом смысле. С приездом милиции и прочими разборками. Тут уж все думали, что его уволят...

И случилось-таки два чуда. Первое: к трем часам ночи душ работал как часы. Второе: Лапшина оштрафовали, лишили премий, дали строгий выговор, сделали наипоследнейшее предупреждение, но главное... всё-таки оставили на работе.

А вот он коллег щадил не всегда. Раз довелось ему услышать в операционной, как молодой ассистент смачно называет кричащего, только что родившегося красного младенца кусочком мяса. Через два часа мрачный, как осенняя туча, Лапшин в своем кабинете нарочито вежливо предложил юноше написать заявление об увольнении по собственному желанию. Никакие извинения приняты не были.

– Молодой человек, нам с Вами не по пути, у нас тут есть только люди. Большие и маленькие. А мясо ищите, юноша, в мясных лавках. Мы не сработаемся. Прощайте...

У главврача, который кроме всего прочего еще и сам частенько принимает роды и делает операции, свободного времени не бывает. Но если каким-то чудом оно возникало, то помимо общения с семьей, где его с радостью ждали жена, дочка и маленький внучок, любил Лапшин подремать с удочкой где-нибудь на озерке или речке, коих в сибирских краях превеликое множество.

Ну, и выпить дома, как всякий русский, он мог, конеч-

но. Иногда. И закусить, естественно. И неплохо закусить, поскольку и жена, и дочка готовили отменно. С годами, к сожалению, стал одолевать лишний вес. Перешел на диету. Шутил, что вместо ожидаемого похудания живота первым похудело то, что поправилось последним – лицо. Из спиртного в кабинетном сейфе всегда имелся хороший коньячок. Нет-нет, сам Лапшин на работе никогда не употреблял, исключительно для гостей...

Никто ни разу не видел его плачущим. Лишь однажды, после многочасовой борьбы за жизнь новорожденного, когда врачам пришлось всё-таки отступить, из операционной громыхая матами на всю больницу, вышел в коридор усталый Лапшин с еще неснятой повязкой на лице. Он кричал и грозил неизвестно кому, потрясая немытой окровавленной перчаткой... а глаза его над повязкой как-то странно влажно блестели и такая неизбывная боль в них была, словно ушел из жизни не маленький безымянный чужой человечек, а кто-то очень родной и близкий.

Что могло стать последней истинной причиной его ухода – так и осталось неизвестным, может быть, вся эта дёрганная, взбалмошная, какая-то неправильная жизнь, но в пятьдесят три года сердце Лапшина остановилось...

Прощание с доктором Лапшиным проходило в огромном зале местного Дворца культуры при громадном стечении народа. Пол возле покойного был покрыт алыми цветами вровень с гробом, в котором лежал вроде он, а вроде уже и не он,

черты лица его заострились, и исчезло с них то, что делало его знакомым гроыхающим Лапшиным.

Более же всего пораало воображение количество детей, пришедших на прощание со своим первым в жизни Главным Врачом. Их были многие и многие тысячи, их невозможно было сосчитать и даже увидеть всех сразу... Кого-то вели за ручку, кого-то везли в колясках, но были и те, кого просто несли на руках...

– Мама, а кто это такой там лежит?

– Дяденька Лапшин, сынок.

– А зачем мы здесь, мам? Тут так тесно, столько народу...

– Сейчас пойдём, сынок. Попрощаемся с доктором и пойдём, потерпи.

– А он что: уезжает куда-то?

– Да, сына, уезжает...

– И куда? В Африку?

– Дальше, сынок, далеко-далеко, там его ждёт много-много детишек, которым он должен помочь. Он уходит для того, чтобы они появились на свет... и пришли к нам...

Фуражка

В пронзительно синем небе гуляет радостное чириканье невидимых воробьёв. На широкой площади возле танка-памятника очередной ежегодный митинг по случаю Дня Победы. Возбужденно суетятся телевизионщики, недалеко играет бравурная подобающая такому случаю музыка. Гремят литавры, сверкают на солнце трубы.

Микрофон, как всегда, в самый неподходящий момент «фонит» до рези в ушах. Местный холёный депутат недовольно морщится: «Ну, сделайте немедленно что-нибудь с этим безобразием». За спинами взрослых бегают друг за другом дети с шариками и флажками. Бегают, балуются, визжат, ни на что не обращают внимания. Даже на депутата: дети есть дети...

Отзвучали речи с временной трибуны, собранной по случаю праздника возле танка. Какие-то люди с дежурными повязками на рукавах деловито формируют людей в колонну для шествия к центру города. Всё как всегда. Впереди реденькая группа ветеранов, следом важные лица города... ну, и все остальные за ними. Группа офицеров докурила в сторонке и, оживлённо беседуя, пристроилась сбоку к колонне. Маленькая девочка плаксиво требует мороженого. Молодая женщина отчитывает её. Затем сдаётся, и они устремляются к лотку с мороженым. Потом – догоняют движущуюся люд-

скую массу.

И вот колонна по широкой улице приближается к центру. Девочка давно доела мороженое и теперь, удерживаемая материнской рукой, вертит головой, пытаясь куда-нибудь ускользнуть, потому как ей скучно.

«Мам! Ну, мам!! Смотри: фуражка! Фуражка!!!» – резко и звонко закричала девочка, тыча сразу всеми пальцами свободной руки куда-то вверх. Все стоявшие рядом невольно задрали головы.

Действительно, впереди на балконе третьего этажа жилого здания, мимо которого собиралась пройти колонна, стояла девушка лет шестнадцати. В вытянутой вперёд и вверх руке она держала обыкновенную солдатскую фуражку. Рядом с ней находилась женщина в черной косынке, по-видимому, мать. Женщина эта держала лицом к колонне большую фотографию с траурной черной ленточкой в уголке. С фотографии на всю улицу улыбался молоденький ушастый парнишка в гимнастерке. Обе женщины, молча, не шелохнувшись, смотрели на приближающееся шествие.

Ветераны, находившиеся во главе колонны, вдруг, сами того не осознавая, остановились напротив балкона. Следом за ними встала и вся колонна. Офицеры, глядя наверх, один за другим потянулись к козырькам своих фуражек. Словно осеклась, смолкла бравурная музыка.

Наступившую заминку оборвала та же капризная девочка: «Мам! Ну, мам! А чё все стоят?! Ну, пошли, мам!»

– Да, тихо вы! Слышите! Тихо! – послышался в ответ чей-то негромкий, прерывающийся от слез, голос.

Суетливые люди с нарукавными повязками, очнувшись, ринулись к стареньким ветеранам. Начальствующие недовольно поморщившись закивали на свои дорожные деловые наручные часы... И всё двинулось дальше.

А позади удаляющейся колонны под тем же чистым пронзительно синим небом продолжали стоять на своём балконе юная девушка с фуражкой в руке и взрослая женщина с большой фотографией стриженного улыбающегося паренька.

Война кончилась

Война закончилась за пятнадцать лет до моего рождения. Естественно, что ни я, ни мои младшие сестры её не видели. Мы читали повести, рассказы и стихи о ней, ходили с родителями на парады Победы, смотрели художественные и документальные фильмы. Но нам повезло: всё, что мы знаем о войне, нам не довелось испытать на себе. Видеть на экране и читать в книге – это совсем другое. Ты ведь знаешь, что, как бы ты ни переживал описываемое или показываемое, на самом деле всего этого сейчас уже нет. На самом страшном месте книжку можно закрыть, а телевизор – выключить. И всё. И нет никакой войны.

Во дворе я играл с ребятами в войну. Тогда во всех дворах можно было увидеть, как мальчишки бегали с вырезанными из досок «автоматами», а то и просто палками, в «атаки», кричали «ура» и в итоге всегда побеждали всех «врагов». Ими назначались такие же мальчишки, но помладше, потому что «пленными немцами» добровольно не хотел быть никто.

Я любил фильмы про войну, такие, как «Отец солдата», «Баллада о солдате», «Подвиг разведчика», «Два бойца», «Жди меня» и другие. Тогда было много хороших фильмов, в том числе, и документальных. Вместе с нами их смотрела мама. Однажды я заметил, что в определённые моменты просмотра она вдруг исчезает из комнаты. Поскольку это по-

вторялось постоянно, я обратил внимание на эти моменты из фильмов. Они были разными, но общим в них было одно: с жутким воем пикирующие немецкие бомбардировщики. Как только возникал этот звук, иногда даже без показа самих самолётов, мама буквально испарялась из помещения. Долгое время это оставалось загадкой для меня.

...Когда началась война, моя мама была пятилетним ребёнком и ни в каких сражениях, естественно, не участвовала. Но она, как и её старшие сёстры и моя бабушка, оказалась тогда в особом месте – в блокадном Ленинграде. В её детской памяти запечатлелись от той войны на всю оставшуюся жизнь два момента: ощущение вечного, непрекращающегося голода и этот невообразимо страшный вой пикирующих самолётов.

Много раз она пыталась рассказать об этом и не могла, потому что вспоминать было невыносимо.

В сорок втором году семью мамы эвакуировали. Во время переправы через Ладожское озеро их в упор расстреливали с самолётов. Представьте себе: маленькая, худенькая русоволосая девочка с большими глазами, какой я видел её на единственной сохранившейся довоенной ленинградской фотографии, и огромные, пикирующие на неё с воем и стрельбой, фашистские самолёты. Каково было этому ребёнку? Какой безумный ужас пережила её детская душа в те мгновения? С чем это сравнить? Не знаю. Не с чем. Мама помнит, как моя бабушка обняла плачущих дочек, накрыла

их собой и начала молиться о том, чтобы их убили вместе, чтобы не оставляли страдать никого...

Прошло много лет. Очень много. Моя старенькая мама ещё жива. Но всякий раз, когда где-нибудь случайно она слышит тот самый знакомый ужасный звук, она прячется. Да, прячется ото всех, и нужно бежать скорее за ней, найти, обнять и сказать тому плачущему ребёнку с морщинистыми старческими руками: «Мама! Война кончилась, мама! Кончилась война...».

Муся

У мамы живет кошка Муся. Она – еще подросток и любит играть с фантиками, нитками, всем, чем могут играть молодые кошечки. А еще она умеет мастерски открывать двери платяных шкафов и прятаться в них, чтобы потом как выскочить оттуда, задрав хвост и выпучив глазки! Ага! Не ждали?! Испугались?! То-то же!.. Вот мы, кошки, какие неожиданные!

Сегодня уговорил маму сфотографироваться. Она этого не любит, потому что никак не получается, чтобы она на фотографии оказалась такой же, как в 20 лет. Смотрит на свежие фотографии и опять расстраивается. А я все уговариваю, мне ведь все равно сколько ей лет, дорого то, что она – мама моя родная, единственная и неповторимая. Короче, пока мы препирались и выбирали ракурс, Муся времени даром не теряла: забралась на подоконник и занялась свежим отростком фикуса, который вчера принесла маме соседка. Муся любит вытаскивать из горшочков и баночек недавно высаженные растения. Такая вот у нее тайная страсть. Но на этот раз мусины проделки выдал ее хвост. Он попал в кадр, и теперь ей будет трудно отпереться: у нас есть реальная улика – мамина фотография с муськиным хвостом на заднем плане!

В доме у нас живет домовой. Люди его не видят, а Муся видит: лежит спокойно, свернувшись калачиком, и вдруг

как вскочит, шерсть дыбом, глазки на выпучку! И смотрит куда-то в иной мир сквозь все реальное.

Не бойся, киса, это наш домовой, он – добрый. Он маму оберегает.

Мамина долма

Самое вкусное в мире блюдо – это маминадолма. Поскольку ни повторить, ни, тем более, превзойти его никому никогда не удастся, ибо для его приготовления нужны руки и душа моей мамы, то перейдём к долме обыкновенной, которую могут приготовить все, даже я.

Что для этого нужно? Во-первых, виноградные листья. Не крупные и не мелкие, средние. Желательно свежие. Мама отправила мне такие в полулитровой пластмассовой бутылке, доверху набив её скрученными виноградными листьями и хорошенько закупорив. Теперь, чтобы их осторожно расправить, я складываю листья в небольшую кастрюлю и заливаю их горячей водой из чайника. Так они легче расправляются. Когда не сезон и нет под рукой свежих виноградных листьев, тогда можно использовать маринованные виноградные листья. Если у вас в городе есть базар, то там они непременно должны где-нибудь быть.

Мясо лучше выбирать и делать фарш самому. Поскольку, увы, времени у меня на это, а главное, терпения, не хватило, я купил готовый нежирный говяжий фарш. По виду – свежий. Я не люблю жирнуюдолму. Кто-то, может быть, и любит, но не я. Вкус жира перебивает всё. И даже долма становится мне неинтересна. И это несмотря на то, что давным-давным-давно, когда я ещё учился в школе, мама ска-

зала мне: «Сынок, я заметила, что если даже я буду готовить тебе долму все 365 дней в году, то ты спокойно будешь её есть и ничего больше не попросишь из еды». Это правда, мама знает, как я люблю мамину долму. Но не люблю, а именно мамину.

В фарш нужно обязательно добавить риса. Я предпочитаю делать это интуитивно, ничего я в пропорциях не понимаю, но получилось вчера очень даже нормально. Рис должен быть рисом, а не дробленкой, не окатышами и прочим непонятно чем. Так, чтобы, вприготовленной долме рис в начинке выглядел, как в плове: рисинка к рисинке, и ни в коем случае не выглядел слипшейся склизкой массой.

В фарш ещё добавляется мелко-мелко нарезанный репчатый лук, зелень мяты (нанэ) или базилика (рейхан). Или того и другого, если есть. И, конечно, нужно заправить фарш черным молотым перцем и простой поваренной солью. Готовый фарш заворачивается в виноградные листочки. Получается сырая долма.

В кастрюлю лучше всего сначала положить одну-две-три небольшие мясные косточки. Поскольку я делаю долму с говядиной, то косточки должны быть говяжьи. Сверху укладывается долма.

К готовой долме я делаю соус. Если есть мацони или катык, то добавляю в них мелко нарезанный чеснок (по вкусу) и хорошо перемешиваю, чтобы чеснок там распределился равномерно. Всё. Можно выложить долму, полить соусом

и есть. Что я сегодня и сделал...

Ем долму, а сам вспоминаю разные-разные мамины блюда... И ароматный суп кюфта-бозбаш с крупными мясными шариками, внутри которых цельный чернослив, с крупным горохом – нохуд. И плов с мясом в каштанах, и каурма-плов, и сабза-каурма-плов, и кялям-долмасы, и холодную с зеленью довгу, и пити, и душбара, и лявянги (особенно кутум-лявянги), и, конечно, кутабы – с мясом и зеленью... Ипрямяча (ну, разумеется!).

А сладости? Боже мой, сладости, которые мне давно уже нельзя есть, увы... От простого лябляби (смеси орешков и изюма), до кяты, шекер-буры, пахлавы и даже шор-когала (он солёный, его мне, наверное, можно немножко)!..

А потом я включаю музыку «Яных-керем», потому что помню её с детства, и грущу. Почему я, сытый, в тепле, а всё равно грущу? Я не умею делать маминудолму. Наверно, поэтому? Нет, не поэтому. Не скажу – почему... Не хочу говорить. Это моё. Извините...

Доброе сердце

Был у меня двоюродный брат Вова. Однажды в детстве, морозной зимой, когда ему было еще лет пять, не больше, взял Вовкин отец его с собой в лес за дровами. Бабушка связала Вовочке как раз в тот день варежки из козьего пуха. Красивые, пушистые, новенькие. Поехали они с отцом на сани, запряженных лошадкой. Отец дров нарубил и вернулся с сыном домой, а варежек нет. Куда подевались? Смотрят все на Вову: как так? Неужто потерял? А бабушка ведь так старалась! Эх... Вова ладошки замерзшие в карманы прячет и тихо отвечает: «Нет. Я их не потерял. Я их зайчику оставил на кустике. Зайчик все время в лесу живет. А там холодно. Мороз крепкий. Увидит зайчик мои варежки, обрадуется, оденет на лапки и согреет их». Посмеялись взрослые, не стали Вову ругать за его доброе детское сердце. Много лет с тех пор прошло... Нет уже на свете ни бабушки, ни Вовиною отца, ни его самого. Но историю эту буду помнить и другим рассказывать сколько смогу. О добром нельзя забывать.

Северяне

Северянин – это характер. Северянин – это мировосприятие. Северянин – это расстановка приоритетов. Как выглядит Северянин – не важно. Он может быть высоким и низкорослым, бородатым и бритым, полным и худым. Внешний вид не играет никакой роли, потому что в Северянине важно совсем иное – внутреннее духовное содержание.

Когда заходишь в ничейную охотничью избушку, а в ней не только чисто, но и соль, и мука, и крупа, и подсолнечное масло, всё самое необходимое человеку, имеется. А возле избы – полная дровница с наколотыми дровами, которые сложены не для себя, а для любого, кто здесь окажется, это – Северяне.

Когда в голой заснеженной тундре пять мужиков восторженно рассматривают лыжный след, радуются тому человеку, который его оставил, вовсе ничего о нём не зная, обсуждают всё ли с ним в порядке так, будто здесь прошёл кто-то родной, прикидывая его маршрут и понадобится ли помощь – это Северяне.

Когда в чужом незнакомом доме среди случайных чужих людей забываешь на видном месте кошелёк со всеми своими деньгами, уезжаешь и возвращаешься через неделю, и видишь свой кошелёк нетронутым там же, где оставил – это Северяне.

Когда покрытые инеем незнакомые мужики подъезжают к тебе на снегоходе, проехав Бог знает сколько вёрст по безлюдью, и первое что спрашивают – «есть ли спички?», не для того, чтобы их взять, а для того, чтобы поделиться с тобой, если тебе нужно, – это Северяне...

Вот почему я пишу это слово с большой буквы.

Раньше, живя на Большой Земле, время от времени, от случая к случаю, слышал, как некоторые люди, жалуясь на свою тяжкую безденежную беспросветную жизнь, говорили о каких-то своих знакомых с некоторой долей презрения, кривя губы: «А! Эти-то – на север за длинным рублём подались». Так и представлялось воображению: некий длинный рубль, свисающий бесконечной лентой, вроде туалетной бумаги, и жадные, ленивые люди вокруг него, «понаехавшие» на Север.

Только сейчас, годы спустя, понимаю, как это всё глупо и несправедливо. Люди на Севере работают порой в таких, мягко говоря, некомфортных условиях, о которых некоторые господа, обитающие гораздо южнее, и представления не имеют.

И работают на совесть. Я горжусь этими людьми, горжусь тем, что они – мои товарищи. Запомните этих прекрасных мужественных трудовых людей. Они тут работают. Просто работают. Каждый день. В мороз, в метель, в стужу, днём и в темноте. Вглядитесь внимательней. Это – лучшие люди на земле. Они не бросят в беде. Они всегда подставят плечо.

Сомневаетесь? Приезжайте. Я вас познакомлю. Здесь другие – не ходят.

Дорога

Мы переехали в новое помещение несколько дней назад. Как обычно в таких случаях, стены после строителей и маляров совершенно пусты. Ребята подумали и решили заполнить пустое пространство картой, тем, что привычно и понятно каждому из нас. Нашли в электронном виде карту Ямала, распечатали её на плоттере и повесили на стену.

Ну, висит и висит. Но неймётся маркшейдерам и геодезистам. То один подойдёт, посмотрит, то другой начнёт разглядывать, изучать по карте северные места обитания нашего... через некоторое время и я не выдержал, подошёл. Как же – это ведь карта! Где-то там, на ней, находимся сейчас и мы сами. Стал разглядывать, читать, и взгляд сам невольно потянулся туда, где когда-то бывал. Вдруг замечаю на карте легкий пунктир – зимнюю дорогу от одного месторождения до другого, от одного поселка к другому, от одной скважины к другой...

Так, это же моя дорога! Это же я её проложил, отвел под нее когда-то землю, узаконил в местных органах власти и прошел первым от начала до конца весь путь! Тонкая пунктирная линия, словно венка у виска забилась, запульсировала внезапно. Забилось чаще сердце моё, запело, вспомнило. Вот она, пурга: метет – ни зги не видать. Мы идём в эту пелену снега и сумасшедшего ветра, зная, что впереди – ни сле-

да. Страшно идти первым? Конечно, страшно. «Кто говорит, что на войне не страшно, тот ничего не знает о войне». Только некогда об этом задумываться, надо смотреть вперёд, сверяясь с картой и тусклым экраном навигатора, надо руководить движениями вездеходчика, надо быть спокойным в любой ситуации, вселяя в своих товарищей уверенность, даже тогда, когда её не хватает самому.

А люди! Какие люди рядом! Простые, открытые, обыкновенные и в то же время – потрясающе красивой души люди. Хозяйственный обстоятельный азербайджанец Гамза и Денис-молдаван – вечно чумазый танкист-вездеходчик, отчаянный любитель одесских анекдотов цыган Ванька Куцуров – дорожник-строитель и мешковатый русский увалень бульдозерист Серёга Борщов, спасший мне жизнь... И другие были. И немало их было. И каждому из них – низкий поклон.

Я писал о них и ещё напишу, потому что они достойны того, чтобы о них знали и помнили. Тонкий пунктир на карте – дорога, это и их след на земле...

Борщов

Темно. Холодно. Очень холодно. Кажется, что от холода кости отслаиваются от мышц и болят каждая отдельно, как от ожога. Надо беречь тепло, печка греет воздух, конечно, но только возле себя сантиметрах в пятидесяти, максимум. Дальше – всё леденеет.

Гамза, Денис и я лежим в кабине от Газ-66, которая «сидит на плечах» старенькой Газ-71. Лежим в темноте, укутавшись во всё возможное, потому что на «улице» около минус пятидесяти. Наш «газон» стоит где-то посреди Западно-Мессояхской тундры. Там, словно памятники поллярному зимнему ветру, высятся над тундрой причудливые снежные фигуры, изваянные ледяной позёмкой, змеящейся в декабрьской ночи: вот торчит наковальня, а вот снежный осётр, будто вынырывающий из льда. А там – метровые снежные заячьи уши. А неподалеку вообще удивительная сетчатая фигура, напоминающая муляж человеческих легких. Совсем недавно мы с Денисом наблюдали эту, созданную природой скульптурную «галерею» в прыгающем неровном свете вездеходных фар. Наблюдали, пока не заскрипел и не оглох внезапно двигатель нашей «газушки».

Наша ласточка-«газушка» погибла: старенький, многоразды латанный двигатель – сердце вездехода, не выдержал постоянных бешеных нагрузок и буквально развалился

на ходу. Слава Богу, хоть печка работает автономно...

Но путь на Запад проложен. Мы успели дойти до крайнего западного пункта – репера будущей скважины номер шестьдесят шесть. В одиночку дошли, потому что ТМ-ку, в которой я добирался до передвижного поселка дорожников, забрал по неотложным делам Филиппыч. Он обещал, если что, вернуться через два дня. Но у нас уже не было в запасе этих двух дней. Нужно было идти вперёд.

Тем более, что Владимир Станиславович, поджидавший нас в своем дорожном лагере на развилке «Восток-Запад», сказал, что даёт нам в поддержку всю свою технику: два «Кировца» и три «болотника» (бульдозеры с широкими гусеницами, позволяющими двигаться по заболоченным местам). Он же познакомил нас с дорожным мастером, которому поручил дорожное обслуживание всей западной дороги.

– Вот, знакомьтесь: Сергей Борщов, – представил Станиславович своего подчиненного странно сдержанным голосом.

Перед нами стоял здоровенный детина лет сорока в зимней спецодежде с надвинутой по самые брови шапкой ушанкой. Широкое, простоватое лицо с усами, похожими на моржовые из советских мультфильмов пятидесятых годов. Растерянный до робости взгляд большого ребёнка (Ох, ты, Господи! Начальство приехало! Что делать-то? Куда податься? Ох, пропал я, пропал!).

– Так, Сережа! Организуй всё как положено! Ты знаешь,

что на тебя все жалуются?

– Кто? Где? Не знаю я ничего, Владимир Станиславович.
Не знаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.